

Меджитов Вадим

НАУЧНАЯ ЛОГИКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вадим Меджитов

Научная логика

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Меджитов В.

Научная логика / В. Меджитов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Принц тьмы... когда-то одно его имя вселяло страх во многих. Именно о нем каждую ночь в сладострастных мечтах вспоминали прекрасные девицы, жившие в неприступных замках, и только его желали получить в качестве боевого соратника и верного мужа воинственные валькирии, которые день и ночь несли свою ратную службу во имя Света (а также во имя Своевременной Оплаты от нерадивых нанимателей). О его великих деяниях написано столь многое, что они спокойно умещаются в несколько книг, которые постоянно переиздаются, дополняются и приукрашиваются, продаваясь баснословными тиражами. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	19
-----------------------------------	----

Это была комфортабельная и богато обставленная комната.

Им надоело нежиться в кровати под мягкими лучами солнца, поэтому теперь широкий оконный проем был занавешен плотной темной тканью.

Пламя, исходящее от тонкой свечки, призрачными намеками передавало очертания комнаты, выхватывая из общей темноты лишь поверхность небольшого обеденного столика, что воцарился посреди помещения, да лица двух путников, расположившихся друг напротив друга.

Мальчик, который сидел спиной к окну, в этот самый момент с крайне сосредоточенным лицом рассматривал на свету тоненькую струйку меда, что мягким потоком лилась с кончика серебряной ложки в небольшой фиал из горного хрусталя.

Одет юноша был в строгий костюм хорошего покроя из крайне дорогого темного материала. В искусственных сумерках комнаты его одежда, казалось, была соткана из абсолютной тьмы, которая не имела ничего общего с жидкими тенями вокруг. Это темное одеяние также хорошо подчеркивало его крайне бледное лицо, которое словно было списано со старинной гравюры, изображающей принца, сидящего на величественном троне в своем замке. В общем и целом, он выглядел как отпрыск настоящей аристократической семьи, которая почитает вековые традиции за истинную ценность, а разделение людей на бедных и благородных – за единственную справедливость.

Ирония заключалась в том, что вековые традиции он испытал на самом себе, но за несколько сотен лет своей жизни уже перестал видеть разницу между традициями и выдумкой. Казалось, что люди специально придумывают странные правила в угоду своему тщеславию. Чаще всего эти самые правила сводились к превознесению малочисленной группы людей над основной массой, которая работала много, но чаще всего неэффективно. Продуктивность от труда, полезность какого-либо дела приносилась в жертву общей показушности, нелепой браваде, торжеству безумия над здравым смыслом.

Еще давным-давно он пытался доказать эту объективную действительность всем и каждому. Потом он сдался и решил доказать хоть что-то самому себе. А затем... он понял тщетность своих усилий и стал просто наслаждаться жизнью – в темпе неторопливом и размеренном. Но для осознания этой простой, казалось бы, жизненной истины ему понадобилось несколько столетий.

Несмотря на свою крайне продолжительную жизнь, выглядел он молодо, лет на пятнадцать. Лишь немногие обращали внимание на некоторые черты его лица, не присущие ребенку, да на глаза, которые словно пронизывали собеседника насквозь. В принципе, в этом и состоял замысел сего облика – люди судят по одежке, поэтому благоразумно будет подкинуть им верную пищу для размышлений. Ведь суть любого мысленного картонного домика – в его базе. Неверно ее определишь, и тебя обойдут на несколько шагов вперед. А когда твой домик начнет медленно рассыпаться, то будет уже поздно – все ловушки расставлены, выгодные позиции заняты и остается лишь наслаждаться мучениями соперника, который сам поставил себя в невыгодную ситуацию.

– Думаешь, его бодрят? Мед, я имею в виду, – задумчиво бросила вопрос в воздух девушка, сонно протирая глаза рукой.

Мальчик отвлекся от созерцания медового потока, легко покачал головой и без дальнейших размышлений вылил содержимое хрустального фиала в тарелку, наполненную нежной творожной массой. Затем он сосредоточенно стал перемешивать творог с медом.

– Нет, – наконец ответил он девушке. – Оман как-то рассказывал мне, что мед здесь всегда был импортный. Но местные почему-то упорно выдают его за свой, хотя для этого нет никакой веской причины.

Девушка, блаженно закрыв глаза, облизнула свою ложку с медом.

– Возможно, – задумчиво предположила она, – это все привычка?

Мальчик спокойно кивнул в ответ на эту мысль и с легкой улыбкой посмотрел на свою прекрасную собеседницу.

Ее длинные волнистые волосы немного спутались после наполовину бессонной ночи, и он знал, что она еще несколько часов после их скромного завтрака будет расчесывать свои пышные космы, прихорашиваться, приводить себя в порядок. Обычно она не обращала внимания на такие условности – в условиях походной жизни она стригла себя коротко, часто даже с помощью обычного ножа, а «прихорашивать» любила больше не себя, а свое многочисленное снаряжение, большая часть которого состояла из крайне острых частей. Ибо она, как и ее с виду крайне молодой спутник, знала, что выгодная позиция и тщательно подготовленная ловушка выигрывают не одну битву. Точнее говоря, битва в таких случаях даже не начинается – слышен лишь чудный шелест заботливо смазанных механизмов да ласкающий душу крик незадачливого врага. Тут мальчик очень сильно ей помог, ведь раньше она лишь утоляла жажду ярости, а теперь наслаждалась ею.

В этом и заключалась их общая философия – менять что-то, но по собственному вальяжному желанию. Они старались придерживаться собственных правил, потому что помнили те страшные времена, когда правил не было вовсе. Ту пустоту в душе не могла заполнить ни одна жизненная эмоция, потому что они сняли все душевные ограничения, потеряли ту основу, на которой можно было бы прочно стоять в этой жизни. Оставался лишь один выход, и, когда они встретили друг друга, они оба пришли именно к нему. Каждый поведал о своих мыслях, и они, наконец, поняли, в чем заключалась основная ирония – всю жизнь они провели в череде беспрестанных побед до тех пор, пока сама жизнь не перестала терять собственный смысл. И только тогда они осознали, что в попытках победить саму жизнь они раз за разом проигрывали сами себе, думая, что в конце их ожидает некий таинственный приз. Но загвоздка заключалась в том, что у жизни нельзя было выиграть, в нее можно было лишь... играть. А выигрывать необходимо было лишь у самих себя, ибо только один человек сможет выдать тебе приз после жизненной победы. И этот человек – это он сам. Немного эгоцентричная теория, но она на удивление работала.

В их неторопливом путешествии по миру не было никакой четкой цели – лишь процесс благосклонного созерцания жизненных процессов да редкое вмешательство в разные интересные им события. Они были эгоистами до кончиков ногтей, но, признавая это себе и друг другу, в то же время избавлялись от ненужной фальши и липкого мусора в голове.

Ведь стратегия – это есть основа выживания, а несправедливость – основа всего мира. Так, если бы каждый человек получал то, что хотел от жизни, то мир давно уже был бы разрушен, потому что жизнь должна нестись вперед в необозримом потоке бушующей энергии, а не тратить свое время на мелкие желания отдельных личностей. А тут ты либо наслаждаешься этим прекрасным потоком, либо ты плывешь по этой лазурной реке на самодельном плоту... либо жалуешься, что вселенная несправедлива. К сожалению, у вселенной и правда нет времени выслушивать твои до странного мелкие пожелания.

Недавно они решили немного разнообразить события в своем жизненном калейдоскопе и взять своеобразный отпуск, хотя нельзя было с уверенностью сказать, что они когда-то работали. Они приняли приглашение от одной знакомой графини в королевстве Кони, которая позвала их на бал в честь ее дня рождения. Гостей в ее доме было уже приличное количество, поэтому усталые путники решили найти себе пристанище в одном из новомодных постоянных дворов. Такие места в последнее время стали называть «гостиницами», и они отличались баснословными ценами за проживание и услуги, а также и услужливым персоналом, чаевые которого за несколько дней достигали месячного заработка среднестатистического работника. Но людей тут было немного, прислуга четко знала свое дело, да и им всегда хотелось несколько дней побыть в относительной роскоши, принять теплую ванную да почувствовать профессиональную заботу о себе. Не то, чтобы они к этому стремились, но разнообразия ради...

До бала оставалось пару недель, но заняться было чем – необходимо было закупить одежду, что больше подобала светским раутам, чем их походные пыльные одеяния... привести себя в порядок... погулять по городу... пообщаться с интересными людьми... в общем, действительно было невпроворот.

И особенно это касалось Фрей, ибо в походных условиях она являлась сама собой, а при выходе в свет должна была обернуться девушкой. И этой цели было достичь не так просто, как казалось на первый взгляд.

Начать хотя бы с тех же волос.

Волосы у нее росли быстро, что было следствием мутаций или любого другого необъяснимого феномена, и при их должном уходе можно было разориться, да не один раз. Нельзя было, правда, с уверенностью сказать, что в привычном своем виде она выглядела неухоженной... но дело было не только в этом. Никакая косметика, никакие стилисты этого мира не могли скрыть ее вкрадчивой походки да звериного отблеска в ее больших карих глазах. Тем, кто видел ее впервые, казалось, будто она алчно смотрит на своего собеседника и готова в любую секунду броситься тому на шею и перегрызть горло. Ирония заключалась в том, что первый взгляд не был обманчив, но она могла спокойно жить и без поедания окружающих ее людей. Особенно, если была сытой. И если ее собеседник не выглядел уж чересчур... *аппетитным*. Тем более что в последнее время она научилась хорошо себя сдерживать, потому что поняла, что примитивное утоление жажды крови приводит лишь к дальнейшей деградации и отупению. А она изо всех сил старалась быть цивилизованным и всесторонне развитым зверем.

Покончив со скудным, но приятным угощением, Фрея откинулась на спинку стула и сладко потянулась, вытянув руки к потолку. Шейные позвонки немелодично хрустнули, а сама девушка издала горловой звук, похожий на рык относительно сытого хищника.

Мальчик степенно положил маленькую ложечку на теперь уже пустую тарелку, отодвинул ее к центру стола и галантно провел салфеткой по губам. Затем он встал, придвинул массивный стул к краю стола и направился к входной двери.

Фрея качнула свой стул назад так, что он оперся на две задние ножки, и одним молниеносным движением схватила мальчика за темный рукав его костюма.

– Ты прогуляться? – спросила она, улыбаясь.

– Да, – кивнул он. – Подышу несвежим воздухом.

С этими словами он подошел к ней и нежно погладил ее по голове обеими руками. Его пальцы тотчас потонули в ворохе пышных волос.

– Где мне тебя потом искать? – спросил он.

Она поймала одну из его рук и нежно укусила мальчика за палец.

– Я сама тебя найду.

Келен вышел в коридор, мягко прикрыв за собой дверь. Это была абсолютная правда – она сама его всегда находила. Даже если он не терялся.

–

Кормили тут, конечно, вкусно, но крайне неплотно. Завтрак был скуден, обед готовился лишь по требованию и за немалую плату, а ужин и вовсе считался своеобразным извращением, которое местный повар видел в страшном сне. То ли дело кормежка в той же харчевне на перекрестке дорог, где первое и второе жило потом в животе собственной жизнью еще несколько дней спустя.

Это же место отдавало снобизмом. Местная энергетика и общая атмосфера заставляли чувствовать себя неполноценным, недоделанным, ущербным. И дело было не в отношении слуг – они отличались крайней вежливостью и услужливостью – нет, что-то засело в самих камнях,

в самом фундаменте этого здания. И это что-то не давало посетителям покоя, оставляя их души в неприятном липком подвешенном состоянии.

Но плюс был и немаловажный – посетителей в «Алом плаще» практически не было, ведь многих отпугивали грабительские ценники да непрекращающееся гнетущее чувство, как будто тебя напильником скребли под ложечкой.

Келен с улыбкой вдохнул стерильно чистый воздух коридора. Молекулы кислорода буквально сквозили отчаянием, а гладкие стены были насквозь пропитаны липкой безысходностью. Мальчик не интересовался, что же творилось ранее в застенках этого здания, но с каждой минутой пребывания здесь его любопытство толкало разузнать про это место побольше. Если даже ему становилось слегка не по себе, то каково было обычным горожанам, у которых имелся достаточно увесистый кошелек, чтобы позволить себе провести здесь хотя бы одну ночь.

Парень легкой походкой направился в сторону лестницы. Все комнаты и коридоры в здании были ярко освещены, но почему-то в душу прокрадывался неприятный холодок, как будто ты находился в заброшенном доме, который ранее служил в качестве пыточной палаты у инквизиторов. Откровенно непонятно было, как вообще данное заведение до сих пор могло существовать да содержать такой приличный штат слуг. Среди них, к примеру, были заведующий, который распоряжался здесь абсолютно всем и с пугающей быстротой материализовывался рядом по первому вашему требованию ... толстый повар, постоянно одетый в белый передник, насквозь пропитанный кровью, хотя мальчик ни разу не видел, чтобы он собственноручно забивал живую дичь – похоже было на то, что по утрам он выходил закупаться на местный рынок... и беззубая уборщица, постоянно насвистывающая зловещий мотивчик, от которого неприятно ныли зубы, а в душу по непонятной причине прокрадывался липкий страх.

Но все они были чрезвычайно милыми людьми, Келен был абсолютно уверен в этом.

– Выходите на утреннюю прогулку, господин? – неожиданно раздался зловещий шепот рядом с мальчиком.

Келен чуть не подпрыгнул от испуга. Да, милые, главное повторять это про себя и есть шанс, что все будет относительно хорошо.

– Да, – обаятельно улыбнулся мальчик, смотря прямо в глаза худощавому распорядителю гостиницы. – Если возможно, то позаботьтесь о Фрее в мое отсутствие. Она как раз интересовалась, какие места стоит посетить в этом чудесном городе, чтобы стать... более *женственной*, вы понимаете?

– Конечно, господин, будет сделано, можете не беспокоиться, – он вежливо поклонился, одновременно открывая перед Келеном входную дверь.

Все еще мило улыбаясь и стараясь не обращать внимания на мурашки, покрывшие все его тело, мальчик с облегчением вышел из столь гостеприимного заведения.

—

Келен полной грудью вдохнул атмосферу большого города. Королевство Кони всегда отличалось своими высокими зданиями, построенными из красного кирпича, а также милыми, как будто игрушечными, особняками, раскиданными за чертой города.

Люди здесь казались беззаботными и пьяными от своей праздной жизни, но то была лишь поверхностная личина. Мальчик никогда не имел желания заглядывать глубоко в человеческие души – ему хватало тех энергетических потоков, что пронизывали все живые сущности и неодушевленные объекты по всему миру.

Находясь здесь, он ощущал на себе согревающее чувство безопасности и мягкой замкнутости, которые создавались прочными высокими стенами и городской стражей, степенно прогуливающейся по улице. Но чувствовалось и нечто другое. Оно проникало в его душу, пропитывало нервные клетки, оставляло легкое покалывание на кончиках пальцев.

Это был сладостный и в то же время парадоксально горьковатый привкус крови, который оставлял свой след на вымощенных брусчаткой улочках, на аккуратно подстриженных деревьях, на богатой одежде проходящих мимо горожан.

Мальчик хищно улыбнулся и, положив руки в карманы, отправился на прогулку.

По пути он купил сосиску в тесте, которую попросил обильно смазать томатной пастой.

Проходя по чистым и ухоженным улочкам, он представлял себя наблюдающим за самим собой. Жадно откусил кусочек некачественной пищи, так, чтобы его губы оросила красная паста. Удовлетворенно кивнув, он закрыл глаза и на короткое мгновение открыл себя окружающего миру. Его сразу же тряхнуло, словно электрический разряд прошел по его венам напрямую к сердцу.

К сожалению, большего позволить себе нельзя. Город – это переплетение древних и будоражащих энергетик, которые могли многое рассказать умеющему их впитывать путнику. Но ничего не дается даром – у каждого действия в этом мире есть своя цена.

Мальчик осторожно оглянулся. Горожане в быстром темпе проходили мимо него, изредка бросая недоуменные взгляды на его странную одежду. Но не более того. Келен пожал плечами и в спокойном темпе стал доедать свое угощение.

Мгновения было явно недостаточно, но и его хватило, чтобы опознать что-то злобное, хищное и явно недовольное. Похоже, этот милый городок лишь притворялся таковым, а за его кулисами творились подлинные безобразия. Надо будет посоветовать Зигмунду заглянуть сюда. Или лучше Меркелю – он обожал всякие интриги и перевороты.

Келен лениво поворачивал голову из стороны в сторону, стараясь различить неведомые простому глазу диковинки. К сожалению, в текущем его состоянии это было попросту невозможно – он духовно закрылся от окружающего его мира, теперь найти его было попросту невозможно. Но и сам мальчик не мог увидеть ничего необычного – это была словно двусторонняя игра в прятки, которая могла продолжаться до бесконечности, если только одна из сторон не выйдет из своего убежища.

А при теперешнем положении дел у Келена не было ровно никакого желания даже носа показывать из своего маленького внутреннего мира, потому что он знал – если его поймут, то придется бежать. И бежать долго, быстро и крайне суетливо. А суетиться он не любил.

Он прошел мимо пекарни и не забыл купить свежего хлеба. Он вообще редко что-либо забывал, ведь упущение какого-либо звена в стратегической цепочке рассуждений нередко приводит к провалу, казалось, так тщательно разработанного плана.

Наконец после неторопливой двухчасовой прогулки ноги привели его к шикарному зданию, возвышающемуся надо всеми в своем величии в центре города.

Поместье Марии фон Эрис, которая и была той гостеприимной особой, пригласившей его и Фрею на торжественное мероприятие, что должно было состояться через месяц. Приглашения разослали еще полгода назад – хозяйка грядущего праздника никогда не любила торопиться. И никогда не принимала отказов.

Вообще, слово «никогда» ассоциировалось с ней полнее всего. Только касалось оно чаще всего остальных людей, но только не ее.

Как ни странно, но все позволяли существовать такому порядку вещей. Благо она была чрезвычайно милой, пушистой... и чрезмерно кровожадной.

—

Гостей уже прибыло порядочное количество. Именно поэтому Фрея и Келен решили объединиться в гостинице, которую все благоразумные люди обходили стороной.

У девушки при виде такого большого скопления людей начинало неприятно резать зубы, а у мальчика просыпалось желание закружить всех в смертельном танце. Один день пребыва-

ния на балу они бы еще выдержали, но находиться около месяца в доме полном вкусн... благовоспитанных аристократов было выше их сил.

Ради разнообразия и в знак уважения госпоже Марии они с удовольствием решили посетить это пышное празднество, но уже после него их ждала долгая дорога, полная открытого неба, высокой травы и изредка встречающихся таких же одиноких путников, как и они.

Городская, а тем более и светская, жизнь были точно не для них – долго себя сдерживать было решительно невозможно. Вернее, возможно, но зачем, если дозволено наслаждаться жизнью в том ключе, в котором хочется?

Келен отметил, что пришел слегка не вовремя, – близился час обеденного перерыва, и богато одетые люди степенно стягивались в просторный зал, где уже хлопотали мириады верных слуг госпожи Эрис. У мальчика не было ровно никакого желания делить угощение со столь большой компанией, поэтому он быстрым шагом направился в сторону декоративного пруда, что возвели в центре прекрасного сада, который целиком окружал поместье.

Присев на лавочку, на изготовление которой ушли последние запасы крайне редкого красного дерева, он достал из-за пазухи пакет, в который заранее положил буханку хрустящего и еще хранящего тепло каменной печи хлеба, а также бутылку дорогого вина.

И вопросительно уставился на деловито подплывающих к нему уток.

Утки, в свою очередь, вопросительно уставились на него.

Придя к молчаливому соглашению, утки хором крикнули, а мальчик отломил кусочек хлеба, который мгновение спустя полетел в сторону его галдящих соседей. Утки с жадностью схватились между собой за угощение.

Мальчик грустно вздохнул. Когда-то он ссорил между собой правителей целых империй, увещевал родных сестер предавать друг друга ради денег и славы, а собак – загрызть насмерть псаря, который до этого со всей любовью заботился о своих питомцах и ни разу не притрагивался к ним кнутом.

А теперь вот он смотрит, как утки выдирают друг из друга намокший кусочек хлеба, безоговорочно доверяя человеку, который кормит их в первый раз.

Но что делать, подумал он, кидая следующий хлебный кусочек прямиком в жадные глотки крикливых птиц. Времена меняются, а он уже проходил тот случай, когда такая яростная и вечно терзающая вседозволенность довела его до точки. Все-таки, чтобы получать удовольствие от жизни, нужно себя в чем-то иногда ограничивать. Без этого ты легко можешь потерять человечность и стать зверем, вечно думающем о следующем куске наживы.

Задумавшись о своем, мальчик ненароком загляделся на маленькое каменное изваяние, которое кто-то поставил в центре пруда. Странно, раньше его не было... оно изображало маленькую уточку, которая запрокинула голову назад, фонтанируя из нее слабой струйкой. Плещущаяся вода создавала ощущение умиротворенности, спокойствия.

Было хорошо...

.
. .
.

Но почему же эта каменная уточка привлекает к себе столько внимания? Только лишь потому, что она находится в центре композиции?

Келен для проверки бросил кусочек хлеба в сторону фонтана. Уточки, весело расплескивая воду, бросились к своей каменной сотоварке, но, не доплыв буквально чуть-чуть до статуи, разом остановились и принялись кружить неподалеку, вопросительно поворачивая свои клювы в сторону мальчика.

Интересно.

Теперь он бросил угощение чуть ближе. За хлеб тут же создалась импровизированная драка, улаждая своей суетливой непоседливостью случайного человеческого зрителя.

Но мальчику было не до этого – он сосредоточенно смотрел на кусочек хлеба, который слабыми волнами, исходящими от ныряющими за хлебом птиц, прибило к небольшому каменному изваянию.

Странно... не может быть, чтобы они его не видели.

Он повторил попытку. И еще раз.

Результат не изменился, только теперь три мокрых кусочка покачивались у каменной уточки. Живые птицы, казалось, со злобой смотрели на свою неодушевленную соседку, хлопая крыльями и кружа вокруг небольшого фонтана.

Мальчик застыл в сосредоточенном ожидании, не сводя пристального взгляда с центра пруда. Буквально десять минут спустя три уже окончательно размокших производных от кондитерского изделия степенно отплыли от статуи на радость галдящим птицам. Все это произошло столь незатейливо и просто, что можно было поверить, что ниспадающая вода из клюва каменного изваяния да суетливые движения плавающей вокруг живности создали своеобразное течение, по которому хлебушек и отплыл от камня.

Но мальчик понимал, что физика тут была совершенно ни при чем. Он слегка улыбнулся. Становилась все интереснее.

Он осторожно оглянулся. Вокруг никого не было. Обострив слух, он понял, что все уже расположились за обеденным столом, обсуждая всякую человеческую нелепость.

Он также заметил, что рядом с ним еще стояла бутылка вина, которую он заблаговременно достал из пакета. Но пить уже не хотелось. Любой алкоголь, что бы ни говорили люди, блокирует энергетическое восприятие окружающего мира, но никак не обостряет его. Да, оно помогает остаться наедине с собственным миром, но такое удовольствие редко обходится дешево. Никакие катализаторы не были изобретены создателем этого мира, как обязательные, в этом он точно был уверен. Поэтому различные наркотики и спиртное каждый должен принимать лишь на собственный страх и риск, точно отдавая себе отчет, что ответы, которые они дают, оставляют после себя лишь еще больше вопросов.

Келен в задумчивости уставился на каменное сооружение в центре пруда. Видимо, в таком положении он просидел довольно долго, раз из глубин рассуждений его вывел резкий щипок в области щиколотки. Он посмотрел вниз – какая-то смелая уточка вышла на берег и теперь озадаченно смотрела на него, выступая неким проводником воли от своего утиногo народа.

Что хлеб не кидаешь, а, человек? Мы тут вечно будем тебя ждать?

Келен извинился перед уткой и в награду за такую необыкновенную смелость дал ей приличный кусочек хлеба, который она тут же проглотила под завистливое кряканье своих сотоварок. Затем мальчик подтолкнул утку ногой обратно к пруду и стал ленивыми движениями отщипывать маленькие кусочки от хлеба, скатывать их в аккуратные шарики и кидать в сторону водной глади.

Но мысли его работали в разрез его автоматическим движениям. Он застрял в мысленном карточном домике, полностью состоящем из парадоксов и логических тупиков. Ведь если эта статуя представляла собой то, о чем он думал, то обострить свои чувства в данный момент, открыться всему окружающего его миру, впитать в себя кружащую вокруг него энергетику... равносильно обнаружению. А затем и смерти.

Умирать сегодня, да и в ближайшее время, точно не входило в его планы.

Из глубин сознания его вывели раскатистый звук да дрожание земли под ногами. Как будто что-то взорвалось... да так, что это задело сразу несколько планов мироздания.

Но он без отрыва продолжал смотреть на каменную утку, которая словно расплылась перед его глазами, а затем снова собралась воедино. Он решил рискнуть и слегка открылся миру, вдохнув полной грудью прекрасный запах ухоженного сада, мирное щебетание благород-

ных гостей, беспокойную панику уточек, которые все разом захлопали крыльями после того странного взрыва, а также... он разом закрылся и хищно ухмыльнулся.

Да. Это именно то, что он и думал.

Теперь осталось посмотреть, что послужило причиной такого сильного энергетического потрясения. Неподалеку раздавались любопытные возгласы аристократов – они высыпали на террасу и указывали своими перстами в небо.

В котором виднелась струйка дыма, поднимающаяся над дальними городскими кварталами.

Что ж. Можно и глянуть ради приличия. Но сначала...

Он окинул взглядом вино и остатки хлеба. Должно же это как-то пригодиться, верно?

–

– Хочешь пончик? – деловито спросила Фрея у мальчика.

Он с благодарностью принял от нее угощение.

– А сколько ты их купила? – поинтересовался он.

– Пятьдесят девять штук. Больше у продавца не было, – просто сказала она.

– А не много? – Келен в изумлении поднял брови.

– Я очень люблю пончики, – логично ответила Фрея.

Больше вопросов мальчик не задавал.

Они, как и многие зеваки, собрались у развалин того, что ранее называлось аптекой. Фрея оказалась здесь первой из-за того, что прогуливалась неподалеку. Она поведала Келену, что взрыв был такой силы, что у одной проходящей мимо дамы снесло с головы шляпу. Девушка успела в последний момент подхватить ее до того, как она упала в лужу, а благодарная дама с радостью поведала ей, где можно купить вкусных пончиков.

Почему-то большинство приключений Фреи выходили на словах крайне... милыми. Конечно, кроме тех, где человеческая плоть не выдерживала давления ее острых зубов. Но в последнее время это случалось все реже, но мальчик любил и такие истории. При любом исходе она была для него самым милым существом на земле. Даже когда предстала перед ним целиком и полностью в крови. По мнению Келена, в жизни может случиться всякое – не винить же себя за случайные проступки? Бывает, иногда трудно сдержаться, но жизнь все равно же продолжается, верно? По крайней мере, для них.

Он ленивым взором осматривал место происшествия, уплетая действительно крайне вкусный пончик. Развалины были похожи на те, что остаются после мощного взрыва, но теперь в толпе беспокойных зевак он мог слегка раскрыть себя, используя окружающих людей как духовную завесу.

Чтобы окончательно обмануть энергетические сканеры, он нежно взял свою девушку за руку, предварительно спросив у нее разрешения. Фрея небрежно пожала плечами и крепко сжала его ладонь одной рукой, а другой в это же время достала из походной сумки очередной пончик.

Келен закрыл глаза, установил энергетический контакт со своей любимой и стал терпеливо ожидать, когда она откусит от пончика первый кусочек. Через мгновение бешеный взрыв раздался у него в голове, а язык ощутил на себе нечто мягкое и теплое. Он аккуратно откусил кусочек от своего пончика, а потом, мысленно извинившись перед девушкой, окончательно запутал все свои чувства и мысли. Мальчик почувствовал, как она вздрогнула, как ее женственное тепло стало перетекать в его душу. Несколько секунд он эгоистично наслаждался этим чувственным экстазом, но затем резко одернул себя, сосредоточился и перенаправил энергетическое русло. Девушка прижалась к нему плечом, он чувствовал ее ровное дыхание и ее любимый запах. И в то же время чувствовал себя, но уже в качественно другом образе.

В этот самый момент он частично смотрел на мир ее глазами, и в который раз удивлялся, как ее сущностное восприятие отличается от восприятия многих людей, которых он встречал. Возможно, в этом частично были виноваты многочисленные мутации, через которые она прошла, но какая теперь разница, если они живы, могут найти себе пищу, кров и просто спокойно наслаждаться жизнью?

Келен мысленно отключился от бесчисленного числа окружающих его запахов, перестал замечать цветовую палитру мира вокруг, а свое внимание полностью устремил на энергетическую составляющую окружения, используя Фрею как своеобразного проводника. Времени у них было не так много, потому что даже в такой энергетической запутанности хороший духовный сканер заподозрит неладное, а потом... а про потом лучше не думать.

Он мягко направлял голову девушки из стороны в сторону, чтобы оглядеть место происшествия. А затем медленно и нежно вынырнул из ее сознания.

Мальчик мягко отцепил свою руку, потому что знал, что после таких манипуляций его сущность начнет жадно впитывать любую окружающую живую энергетику, чтобы восстановиться. Он не хотел иссушать свою девушку, поэтому жадно впился в остаток своего пончика, беря энергию из калорийной пищи. Его слегка шатало, картинка перед глазами расплывалась, но главное было то, что он успел узнать все необходимое и за краткий промежуток времени.

– Еще пончик? – участливо спросила Фрея.

Мальчик с удовольствием согласился. А затем они направились каждый по своим делам.

–

Абсолютно все в этой зале казалось... *пушистым*.

И дело было вовсе не в розовом цвете и не в бесконечном ряде различных рюшечек... нет, подобной дани запоздалому инфантилизму тут нельзя было увидеть. Леди Марии нравился преимущественно белый цвет, а расставленная в зале мебель была лаконично простой и изящной. Такую мебель не выставляют напоказ в ближайшем магазине, ее делают строго на заказ, присылая затем ценник в отдельном конверте, накрепко запечатанном сургучом. Последнее делается для того, чтобы особо впечатлительные люди не падали в обморок, а спокойно возлежали на мягком диванчике, не подозревая, что их пятая точка касается состояния, которое им не накопить и за девять жизней.

Но все равно все здесь было крайне пушистым и милым. Вероятно, причина состояла в том, что, несмотря на богатство и изящество всех элементов декорации, эти самые элементы были расположены в таком хаотичном, но в то же время располагающем к уюту, порядке, что сама комната напоминала логово маленького игривого, пусть и хищного зверька. Подушки были раскинуты по блестящему лакированному полу, на книжных полках, которые вот уже много лет не видели ни одной пылинки, рядом со скучными фолиантами располагались богато иллюстрированные книжки для детей, а на подоконнике лежало несколько сочных спелых яблок на желтом блюде рядом с плюшевой серой мышкой с глазами-пуговками.

Хозяйка всего этого милого беспорядка в этот самый момент возлежала на диване, запрокинув свои маленькие ножки на его спинку. Она не сменила позы, когда Келен, деликатно постучав в косяк приоткрытой двери, вошел внутрь.

Мальчик быстрым взглядом окинул царящий вокруг творческий беспорядок, подмечая про себя новые детали, который он не замечал при прошлом посещении. Наконец его глаза встретились с равнодушным взглядом собеседницы леди Марии, которая вполне могла выиграть состязание на звание лучшей натурщицы – настолько неподвижно она сидела. Ее высокий рост, стройный стан, длинные волосы и изящное лицо, словно выщербленное из белого камня, выгодно отличало ее от маленькой суетливой фигурки хозяйки поместья, которая, несмотря

на все свое обаяние и безудержную жизненную энергетику, так и не смогла снискать себе статистической славы у мужчин.

Ирония заключалась в том, что именно леди Мария желала всей душой удачно выйти замуж, чтобы на пару со своим избранником веселиться и пробовать саму жизнь на прочность¹. Но Келен давно уже заметил, что осмысленные и сильные желания исполняются гораздо реже, чем спонтанно возникающие и нелогичные. Чем объяснить такой странный феномен, он не знал, потому что давно решил не привязываться к строгому результату. Такую мысль странно было слышать от идеального стратега, коим его все считали, но мальчик всегда отделял *рабочие* моменты от жизненных. Поэтому он и считал, что если ты хочешь что-то исполнить в своей жизни, то преврати это в работу или не желай этого вовсе, надеясь² на благоприятную судьбу. Этот метод всегда... *срабатывал*, хотя применить его удавалось не часто из-за своей нелицеприятности.

А вот в любви ему попросту повезло, тут момент был чисто жизненный, не рабочий. Леди Марию, в свою очередь, этот самый жизненный момент почему-то обошел стороной. Но она не сдавалась. Сдаваться вообще было не в ее натуре.

– Келееен!

Нечто маленькое и в милом платьице вскочило с дивана и в три прыжка пересекло комнату навстречу мальчику. Келен сам был не очень высокого роста, но Мария на целую голову была его ниже, поэтому могло создаться впечатление, что его обнимает маленький и милый зверек, коим она, впрочем, и являлась. Но первичное впечатление было явно обманчивым, потому что мальчик тут же почувствовал, как силы покидают его, как энергетический дух постепенно испаряется... он мгновенно закрылся, заблокировал себя от окружающего мира. Девочка отошла от него на шаг и крепко сжала его запястье. В ее больших глазах играл неподдельный восторг и безраздельная радость от встречи, что случайный прохожий мог бы невольно смутиться от такого проявления чувств.

Но Келен не был случайным человеком – он давно ее знал и прекрасно понимал, что за сияющими жизнерадостными глазами таится мудрость не одного поколения, а также неумная тяга к наслаждению жизнью. На вид Марии фон Эрис было не больше пятнадцати, на словах она говорила, что ей около двадцати, прочитав где-то, что это самый лучший возраст у девиц для успешного замужества. На деле же этот самый лучший возраст она пережила более чем десяток раз. Точного ее возраста Келен не знал, но такие вещи у девушек обычно не спрашивают, да и сам он давным-давно перестал отмечать свой день рождения. Ведь зачем ценить прожитые года, если можно ценить саму жизнь?

Наконец она отпрянула от мальчика и быстрым шагом направилась к своему диванчику, на который снова взгромоздилась, буквально потонув в обилии различных подушек. Келен, стараясь незаметно растереть запястье, к которому не некоторое время перестала поступать кровь, подошел к двум дамам и поклонился, как того требовали правила этикета. Конечно, такие правила существовали не одну сотню лет тому назад, но Келен благоразумно считал, что хорошие правила никогда не устаревают. Ровно как и стиль одежды.

– Леди Мария, – галантно произнес он. – Госпожа Сора.

Женщина, элегантно сидящая на стуле с прямой спинкой, кивнула мальчику и спокойно продолжила пить чай маленькими глотками. Келен знал, что ее равнодушие объясняется не недостатком воспитания, а отсутствием каких-либо эмоций. Говорят, что эти самые эмоции были выкорчеваны из нее после серии ужасных бесчеловечных экспериментов, но это были лишь слухи. Правда состояла в том, что, даже раскрывшись, мальчик не мог уловить от нее

¹ Не их собственную, конечно, а жизнь окружающих людей. В чем смысл подвергать себя опасности, когда можно налить себе чашечку хорошего чая и наслаждаться представлением?

² То есть не надеясь. Вы поняли.

ни малейшего признака энергетического присутствия, словно она была неживой. Марии, в свою очередь, безмерно нравилась эта черта характера, потому что суетливая и непоседливая девочка могла часами обсуждать с ней всякое, а ее собеседница в это время не бросала виноватые взгляды на входную дверь. Единственный недостаток, который Мария подмечала в своей подруге, состоял в том, что она не была мужчиной.

– Садись уже, Келен, – леди Мария махнула мальчику рукой. – Твои выходки уже давно вышли из моды.

– Осмелюсь заметить, леди Мария, что это мода вышла, а выходки остались. Просто про них... забыли, – вежливо отметил мальчик.

– И хорошо, что забыли! Знаешь, теперь живется гораздо проще, чем раньше, когда нужно было сделать кучу лишних движений перед тем, как перейти непосредственно к сути!

Мальчик осторожно взял в руки миниатюрную чашечку из изящного фарфора³, предвзвешенно налив в нее изысканного чаю, унция которого стоила целое состояние. Келен никогда не понимал, в чем смысл такого показного богатства, но леди Мария любила жить на широкую ногу, энергично делясь своим счастьем со всеми теми, кто мог его разделить.

– Насколько я помню, – произнес мальчик с легкой улыбкой на устах, – вы не слишком часто обращали внимание на различные правила и всегда старались перейти к этой самой сути.

Девушка обиженно надула губки.

– И что? Если правила глупые, то какой смысл их соблюдать?

– Полностью согласен с вами, – сказал Келен, аккуратно отпивая драгоценный напиток из не менее драгоценной чашки.

В любом другом обществе воцарилась бы неловкая немая пауза, но леди Мария никогда не позволяла себе подобной роскоши.

– Ну, Келен, давай рассказывай, зачем пришел? Я ведь знаю, что ты несколько дней назад приехал в город с этой своей...

– Спутницей, – осторожно ввернул Келен.

– Допустим, – девушка недовольно фыркнула.

Почему-то Фрея ее постоянно раздражала. Келен, конечно, догадывался почему, но старался не закапывать себя в целом ворохе различных нюансов женских взаимоотношений.

– И ты даже не заглянул ко мне! А я бы предоставила тебе и твоей этой как-ее-там самую лучшую комнату!

– Не сомневаюсь, миледи, – мальчик ухитрился поклониться, не вставая со стула. – Но вы же знаете, какое у меня отношение к большим скоплениям людей...

– Так зарезал бы парочку, какая разница? Этих аристократов сейчас пруд пруди, никто о них особо переживать не станет, – философски заметила девушка, пожимая плечами. – Правда, Сора?

Женщина окинула своих собеседников равнодушными взглядами и ответила как всегда нейтрально:

– Кто-то переживать все же будет.

– Именно! И переживаю в итоге всегда я! Келен, почему ты выбрал себе какую-то фифу, когда на свободе бродит такая прекрасная девушка, как я?

И вот она перешла к сути, как всегда быстро и неожиданно, подумал Келен.

– Миледи, поскольку я не являюсь знатоком психологических нюансов, то давайте лучше спросим независимого эксперта. Вот госпожа Сора... – начал мальчик.

Но перевести стрелки не получилось.

³ Мария всегда держала наготове третью чашку, которую она называла «запасной для случайного гостя». Девушка просто обожала все случайное.

– Эй, погоди, – девушка в забавном и милом негодовании стукнула своим маленьким кулачком по обивке дивана. – Ты, давай, не отходи от темы!

Она с вызовом посмотрела на мальчика, который встретил ее взгляд спокойно и без лишних эмоций.

– Я думаю... просто так сложилось, – Келен виновато пожал плечами.

– Сложилось?! – девушка бросила на него еще один, полный негодования, взгляд, а затем неожиданно расслабилась.

– Ну и ладно, – махнула она рукой. – И зачем ты мне такой нужен в любом случае? Таскаешься по всяким местам, спишь, где попало, ешь, что придется... это разве жизнь?

Мальчик кивнул, соглашаясь.

– Это и правда есть жизнь.

Девушка обреченно вздохнула.

– Келен, общество не зря придумало деньги, чтобы мы мотались по полям да лугам, питались подножным кормом и мерзли от холода где-то вдали от цивилизации. Сора, вот ты как считаешь?

Женщина устремила свой бесцельный взгляд в пространство и произнесла:

– Каждому свое.

– Да ну вас всех! – в сердцах воскликнула леди Мария.

В следующее мгновение она прицельно запустила подушкой в сторону Келена, а когда тот в последний момент поймал ее, набросилась на него, столкнув со стула. С визгами и криками они стали кататься по шикарному ковру, привезенному из далекой и вряд ли существующей страны, как дети, сражаясь, щекоча друг друга и бросаясь подушками.

Госпожа Сора, уличив свободную минутку, достала из-под стола небольшую книжку и с удовольствием погрузилась в чтение, отстранившись от окружающего ее мира.

Наконец борьба затихла, и девушка с торжеством нависла над мальчиком, прижав его к полу обеими руками.

– Слушай, – прошептала она, наклонив свое лицо к его уху, – а что будет, если я тебя поцелую? Узнает ли об этом твоя... спутница? А если узнает, то что сделает?

Мальчик приподнял голову и нежно обхватил ее за голову.

– Давай проверим, – также прошептал он.

Она удивленно моргнула, но уже в следующее мгновение приблизила к нему свое лицо так, что их кончики носов соприкоснулись. Он закрыл глаза и расслабился... но в последний момент она резким движением больно укусила его ухо.

– Ай! – вскрикнул Келен.

– Все вы мужчины одинаковые! – с укором воскликнула Мария, вставая и подавая руку Келену. – Вечно ищите, как бы получить от жизни больше, чем заслуживаете!

Келен с благодарностью принял руку девушки.

– Возможно, это и так, – покорно согласился мальчик. – Но также возможно, что вы бы так никогда меня и не поцеловали.

– И когда ты стал психологом, Келен? – спросила Мария, снова уютно усаживаясь на диване.

– Это всего лишь догадка, миледи.

Леди Мария недовольно проворчала, подразумевая тем самым, где она видит все эти догадки.

Наконец она слегка успокоилась, как будто выжала всю приятную для себя энергетическую составляющую из сложившейся ситуации.

– Ладно, Келен, рассказывай. Я знаю, что просто так ты никогда не захочешь посетить мою скромную особу...

Мальчик хотел было возразить, но она пресекла это резким движением руки.

– Поэтому... – продолжила она, – зачем ты здесь?

Келен тактично несколько секунд помялся, но затем сразу же перешел к сути.

– Миледи, если вы позволите... я бы хотел воспользоваться вашими обширными знаниями о местной аристократии.

Выражение лица Марии не изменилось, а в заблокированном состоянии Келен не мог не только передавать энергию в окружающий мир, но и принимать ее, поэтому оставалось только гадать, насколько сильно заинтересовалась его собеседница. Хотя данный фактор Келена не особо интересовал, его больше заботил сам результат. И ради него он был готов засунуть голову в открытую пасть льва... благо это он проделывал далеко не в первый раз. Страх уже исчез, осталась лишь легкая настороженность.

Конечно, леди Марии вовсе не надо было знать, что он на самом деле про нее думает, ведь себя она считала крайне миловидным созданием. На самом деле все хищники в мире выглядят гораздо милее, чем травоядные... возможно, это потому, что в их взгляде можно прочесть некую осмысленность, целеустремленность? Да и что говорить – он сам полюбил хищницу, причем одну из самых опасных.

Но Мария фон Эрис все же отличалась одним качеством от других охотников. Если все остальные убивали и охотились только ради утоления чувства голода, утоления той непреодолимой жажды ярости, что горит глубоко в душе, ради того, чтобы быть частью игры, частью чего-то живого и развивающегося... то леди Мария охотилась ради себя. Ей не нужны были какие-либо причины, чтобы встать на тропу войны. Она делала это осмысленно, расчетливо и крайне беззаботно. Она никогда не хотела, чтобы мир крутился вокруг нее, никогда не хотела быть частью чего-то большого и важного, она просто... вмешивалась. Без причины, без логики, ради самой себя. Сразиться с ней означало отбросить все стандарты окружающего тебя мира и стать самим собой. Чаще всего это предвещало неминуемую смерть – если не от ее руки, то по вине несправедливого мира, который не мог потерпеть, чтобы кто-то начинал мыслить не так, как все, да еще и смело об этом говорил.

Губы Марии фон Эрис начали медленно приподниматься, постепенно обнажая ровные ряды белоснежных зубов. Она подобрала ноги под себя, уперлась локтями в колени и положила подбородок на ладони. Следующие слова она произнесла словно нараспев:

– Аристократы, говоришь?

Девушка хищно облизнулась.

–

Келен сидел на полу рядом с кроватью, положив голову на колени своей подруги.

– Я поспрашивала у окружающих, – сказала она, нежно проводя рукой по волосам мальчика, – но никто не знает, что послужило причиной взрыва или кто мог стать жертвой.

Келен кивнул.

– Жертв на самом деле могло и не быть. Об этом, возможно, мы узнаем позже, когда стражники разберут завалы. Хотя не думаю, что они будут торопиться...

– Так это действительно?... – удивленно спросила Фрея.

– Да, это был мощный энергетический взрыв, – подтвердил мальчик. – Настолько мощный, что волна дошла и до поместья леди Марии, хотя он располагается в нескольких кварталах от места происшествия.

– Ты был у нее? – рука девушки остановилась, а в голосе послышался отзвук ревности.

– Я... – Келен на мгновение замялся. – Я был у нее, когда случился взрыв. Хотел проверить кое-что. А затем, после осмотра места происшествия, снова отправился к ней... чтобы поговорить...

– Только поговорить? – девушка опустилась на пол рядом с Келеном и заглянула в его черные глаза.

– Ты все время меня подозреваешь, Фрея, – мальчик игриво коснулся кончиком пальца носа девушки. – Я прямо не знаю порой, куда себя деть.

Девушка вздохнула и легла на пол, положив голову на колени мальчика – теперь был его черед гладить ее.

– Я подозреваю не тебя, Келен, а эту маленькую сучку, которая всегда сует нос не в свое дело.

Келен тихо рассмеялся.

– Действительно, Мария любит интриги, но нельзя же подозревать ее при каждом случае?

– Можно и нужно! Моя звериная интуиция подсказывает мне, что она замешана и в этом деле.

Интуиции своей девушки Келен всегда безоговорочно доверял, но все равно оставалось много вопросов, на которые он пока не мог дать ответа. Пока.

– Так что тебя заинтересовало при первом и при втором посещении? – тихо спросила девушка, закрыв глаза от наслаждения.

– Ты знаешь, что я не могу открыть себя посторонним, но даже при косвенном осмотре города стало понятно, что он буквально усеян различными *маяками*. А один из них я совершенно случайно обнаружил в поместье нашей гостеприимной хозяйки, когда кормил уток.

– Уточек? – девушка медленно облизнулась.

– Да, я хотел отдать дань почтения пригласившей нас стороне, но в тот момент, когда я пришел, был обед. Аристократы и их добродушная хозяйка как раз собирались за общим столом на первом этаже.

– А уточки?.. – аристократы, конечно, были весьма неплохи на вкус, но в последнее время девушка предпочитала питаться различным зверьем – в животном мире на тебя не вешали множество моральных ярлыков за одно-единственное убийство.

– А уточки плавали себе да дрались за хлеб. Кроме одной...

– Она не хотела есть? – удивленно спросила девушка.

– Скорее, не могла. Это была маленькая статуя в центре пруда, изображающая утку, которая запрокинула голову и извергала из себя струйку воды. Эдакий декоративный фонтанчик.

Фрея повернулась на другой бок, заинтересованно слушая продолжение.

– Так вот, я заметил, – продолжал Келен, – что все живые утки крайне неохотно подплывают к своей каменной сотоварке, даже если рядом с ней плавает кусочек хлеба. А затем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.